

Сделать чисто

Сегодня я умру.

Я не болен.

Я не разорен.

Я не могу больше жить, вот и все.

Обездоленному до такой степени можно ли вообще употреблять это слово — *жить*?

Я долго верил, что справлюсь. Верил всему, что мне говорили: надо смириться со смертью любимой, придет успокоение, и затем она возродится как идеал в воспоминаниях... Если бы. Я вижу только ее прах, плавающий на воде. Его вкус стоит у меня во рту.

Ночью протянешь руки — и никого больше нет, и нет ничего вообще.

Я не могу вернуть ее, мои слова бессильны, а у меня только слова и есть, поэтому я хочу умереть.

Больше никого? Я сгущаю краски — кое-кто есть. Ребенок, наш сын, шести лет. Но моя любовь к нему,

его любовь ко мне и даже обе они не в силах уравновесить чашу весов. Слишком она перевешивает, пустая чаша, — та, что влечет меня.

Когда я смотрю на него, я вижу ее. И злюсь на него за это, как злюсь и на нее. Те же черты, тот же вызов в темных глазах, та же грация, та же кожа, те же вспышки гнева.

Так что пора кончать. Я знаю, что отбрасываю все мои отцовские обязанности, когда пишу это, но отец ли я еще?

* * *

Если и отец, то плохой. Я это понял еще в Шамборе*, несколько месяцев назад, зимой. Замок, где снимали «Ослиную шкуру»**. Я решил свозить его туда, потому что он был в восторге от фильма, особенно от Денев. Лично я предпочитаю Сейриг***. Небо, серое до белизны, венчало колоколенки, башню с лилиями, террасы, украшенные лепными саламандрами, по которым мы

* Замок Шамбор, или Шамборский замок, — один из замков Луары. Был построен по приказу Франциска I, который хотел быть ближе к любимой даме — графине Тури, жившей неподалеку.

** «Ослиная шкура» (1970) — фильм Жака Деми по сказке Шарля Перро с Катрин Денев в главной роли.

*** Дельфин Сейриг (1932—1990) — французская актриса. Известна своими ролями в интеллектуальном кино, в частности в фильмах Алена Рене.

бродили вдвоем, рука в руке, между небом и землей, до отвесного края. Посетителей было немного, все продрогшие, как мы, а вокруг насколько хватало глаз, нас обступал лес, будто мы были на острове, под угрозой когтистых волн. Мне приходили в голову не легендарные охоты и мчащиеся по зарослям кабаны, не факелы, в свете которых несутся кавалькады юных принцев с горячей кровью, возбужденных струящимися под корой соками, — нет, я видел жестокие убийства, младенцев, которым вырывают сердце, потому что этого требует злая мачеха, молодых женщин, чью добродетель попирают и бросают затем их красоту на съедение волкам, размозженные камнями головы невинных, из которых брызжет кровь, пятная кружево папоротников.

Мы спустились по двухзаходной винтовой лестнице, задуманной, говорят, самим Леонардо да Винчи. Комнаты были ледяные, облезлые обои давно покинуты красками. Холод царил везде, мы чувствовали, как он крепок, кончиками наших застывших пальцев. Вырезанный из дерева олень в натуральную величину, которого мы видели в фильме Жака Деми, красовался в центре зала с большим крестом в рогах. Потерянное в этой бескрайности изваяние разрывало сердце. Это был не замок, это был склеп.

У меня не было сил отвечать на его вопросы о королях, Леонардо, Ренессансе и символике цветка лилии. Этот бред в камне вонял смертью, меня воротило — я ведь знал, что этот запах исходит и от меня.

Я все понимаю, и в этом моя драма. Как будто бы жизнь не хочет больше течь по моим жилам. Боюсь, что это безысходно.

Я не заслуживаю моего сына и его любви. Его грации олененка.

По дороге к Шенонсо я думал о родителях, которые, прежде чем убить себя, убивают своих детей. Мне это всегда казалось гнусностью, а вот в тот день я понял. Мы миновали пункт уплаты дорожной пошлины и проехали бетонную силосную башню колоссальных размеров, выглядевшую заброшенной.

— Папа, ты не включишь музыку? — спросил он своим тонким голоском.

— Конечно, сердечко мое.

Да, в тот день я понял. Детей убивают не потому, что хотят перечеркнуть жизнь, которая не удалась, не от желания, дав задний ход, сгладить сумятицу, которую мы, взрослые, посеяли в их жизни.

Нет. Убивают затем, чтобы дети не судили нас, когда вырастут.

А я его суду доверяю. И поэтому хочу, чтобы мой сын жил.

Он будет жить, и в лучших возможных условиях. Я обо всем для него позаботился. Круглая сумма ждет

его по достижении совершеннолетия. А до тех пор солидное содержание. Все в порядке, оформлено, нотариально заверено. Его будут растить те, кто вырастил меня. Там, где он сейчас. Он ни в чем не будет испытывать недостатка. Нет, ему будет недоставать отца. Ничего страшного, так даже лучше: я не успею его разочаровать, как все отцы.

Трусость? Нет. Трусостью было бы не сделать этого, продолжать до такой степени предавать себя. Я положу конец не моим дням, я положу конец долгой ночи.

Мои мысли путаются. Я не могу больше с ними сладить.

* * *

Моя жена погибла. Под водой. Но перед смертью она ушла, оставив нас одних, меня и моего сына. Я так и не узнал, собиралась ли она вернуться из этого путешествия, ставшего роковым, или же поставила на нас крест. Она была художницей... С ними, художниками, никогда не знаешь. Цена творчества тяжела. Беда в том, что зачастую платят ее другие.

Это неведение терзает меня. И я скитаюсь, точно старый добрый Улисс, на борту моего тела, чей остов стонет, без надежды вернуться далеко за моря, на ложе из олив, где ждет меня Пенелопа.

Пенелопа меня бросила.

* * *

Надо видеть, на кого я стал похож. Прошло два года, но я постарел на все десять.

* * *

— Почему ты плачешь, папа? Я тебя поцелую, и все пройдет.

Это он встал, только того мне и не хватало, и утешает меня, гладя. Он ложится рядом, и ко мне возвращается прерванный сон.

Мир перевернулся. Мне стыдно.

— Где у тебя болит, папа?

Ничего не поделаешь, надо что-то ответить.

— У меня болит сердце, сынок.

Он повторил это на днях в школе. «У моего папы болит сердце». И когда я пришел за ним, учительница спросила, не нужен ли мне хороший кардиолог.

Так это и есть боль утраты? Выдерживать глухую тишину, постоянно биться о стену отсутствия? Плакать, храня надежду на чудо?

* * *

Замок Шенонсо как будто аккуратно поставили на реку Шер, и он крепко стоит на своих аркадах. Это не замок-крепость, это замок-мост. Во время Первой мировой войны его превратили в госпиталь. Со сво-

их коек раненые ловили рыбу в реке. Шер. Дорогой*. Моему дорогому очень понравился Шенонсо. Спальня королевы, большие кровати с балдахинами, портреты Дианы де Пуатье** и Дианы-охотницы с полумесяцем в волосах, и D, переплетенное с H, инициалом Генриха***, можно ли лучше изобразить любовь, и вырезанные на дверях сирены, и портрет госпожи Дюпен, которая держала литературный салон и принимала Вольтера, Руссо, Монтескье и Берни.

- Она красивая, папа... А что такое муза?
- Женщина, которая вдохновляет художников.
- Она помогает им дышать?
- Да, мой олененок.

Мне же понравилась только одна комната. Спальня Луизы Лотарингской, жены Генриха III, наверху, под самой крышей. Все стены выкрашены в черный цвет, везде один и тот же узор, до тошноты повторяющийся на тяжелых складках балдахинных и оконных гардин, — рога изобилия, проливающие серебряные слезы. В углу молельня и портрет Генриха: камзол и черная шапочка, усы и мушкетерская бородка, сапфир в ухе, меланхоличный взгляд. Подходящий для меня девиз: *Manet ultima caelo*, «Последняя

* Название реки *Cher* омонимично слову *cher* — дорогой.

** Диана де Пуатье (1500—1566) — возлюбленная и официальная фаворитка короля Генриха II Французского. Замок Шенонсо был подарен ей королем.

*** По-французски *Henri*.

находится на небесах». Вот только у него это была не последняя женщина, но последняя корона, после польской и французской, возлежавших на его смертном челе. Лигист Жак Клеман, христианский террорист, вонзил нож ему в живот в 1589-м. На небеса, Генрих! Оставшаяся на земле Луиза сгорает в горе и делает эту комнату своей могилой. Живая, но мертвая. Мне здесь понравилось. Понравился этот черный цвет. Понравилась рама картины на евангельский сюжет, где три капли крови истекли из сердца, окруженного терниями.

Это было мое сердце.

«Стоит ли жить с таким отцом, как ты?» — сказал я себе, выходя из зеленого лабиринта, который Екатерина Медичи пожелала разбить в своем парке. Заплутав в тисовых изгородях и так радуясь тому, что заплутал, сын звал меня:

— Где ты, папа? Я тебя не вижу! Папочка!

Слезы текли по моему лицу, и я торопливо вытер их рукавом. «Папочка, где ты?» Он не видел меня. Слепленный солью, щипавшей глаза, раздавленный стыдом, оттого что не мог ему ответить, я хотел, чтобы сырая земля, устланная ковром полуразложившихся листьев, поглотила меня. И чтобы какая-нибудь добрая фея увезла его в своей карете и позаботилась о нем.

Ему будет лучше без меня. У меня правда нет больше сил. Я передал ему лучшее, что у меня есть.